

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Два варианта нравственной жизни

« Насо »

В недельной главе «Насо» содержатся законы, касающиеся назорейя — человека, который, обычно на ограниченный срок, давал обет соблюдать особые правила, некий кодекс святости и воздержания: не пить вина и хмельного (а также не употреблять никакой пищи и напитков, изготовленных из винограда), не стричь волос, не осквернять себя контактами с мертвецами.

Тора не дает назорейям прямой оценки. С одной стороны, она называет назорейя «святым для Г-спода» (Бемидбар, 6:8). С другой стороны, она предписывает: по завершении обещанного срока назорей должен принести жертву за грех (Бемидбар, 6:13–14), как если бы он совершил некий дурной поступок.

Из-за этого противоречия возникли принципиальные разногласия между раввинами в период Мишны и Талмуда, а также в Средневековье. Рабби Эльазар, а позднее Нахманид полагали, что назорей достоин похвал. Он добровольно избрал святость более высокого порядка. У пророка Амоса (2:11) сказано: «Из сыновей ваших воздвигал Я пророков, из отборных юношей ваших — назиров»¹. Следовательно, назорей, как и пророк, — это человек, особенно близкий к Б-гу. А жертву за грех он должен был принести потому, что возвращался к обычной жизни. Прегрешение состояло в том, что он переставал быть назореем.

Противоположной точки зрения придерживались рабби Эльазар а-Капар и Шмуэль². На их взгляд, в том-то и состояло прегрешение, что человек становился назореем, то есть отказывал себе в части удовольствий мира, который Б-г сотворил и объявил, что мир этот хорош. Рабби Эльазар добавлял: «Отсюда мы можем заключить, что если того, кто

¹ Еврейская Библия. Поздние пророки. М.: Книжники, 2013. С. 581. — *Примеч. перев.*

² Шмуэль (также Мар-Шмуэль, Шмуэль из Негардеи, Шмуэль бар Аба, ок. 165 — ок. 257) — вавилонский мудрец первого поколения, законоучитель, судья, врач и астроном. В Талмуде именуется просто Шмуэлем. — *Примеч. перев.*

отказывает себе в удовольствии от вина, называют грешником, то уж тем более таков тот, кто отказывает себе во вкушении других удовольствий, которые есть в жизни»³.

Очевидно, спор не просто о тексте, а о его сути. Спор об аскетизме, об образе жизни, предполагающем самоограничение. Почти в каждой религии известен феномен людей, которые, стремясь к духовной чистоте, удаляются от мирских удовольствий и соблазнов. Они живут в пещерах, скитах, монастырях. Подобной была, возможно, и секта из Кумрана, которую мы знаем благодаря Свиткам Мертвого моря.

В Средневековье некоторые евреи выбирали схожий путь самоограничения, в том числе «Хасидей Ашкеназ»⁴ (что буквально значит «благочестивые из Северной Европы»), а также многие евреи в мусульманских землях. Задним числом трудно не увидеть в подобном поведении некоторое влияние нееврейского окружения. Приверженцы «Хасидей Ашкеназ», расцвет которого совпал со временами Крестовых походов, жили среди христиан, «умерщвлявших плоть». Приверженцы похожих идей в южных странах, возможно, были знакомы с суфизмом — мистическим течением ислама.

Следовательно, неоднозначное отношение евреев к образу жизни, предполагающему самоограничение, возможно, коренится в подозрениях, что эта тенденция пришла в иудаизм извне.

В первые века новой эры и на Западе (в Греции), и на Востоке (в Иране) существовали аскетические движения, последователи которых считали физический мир обителью развращенности и раздоров. Фактически они были дуалистами — полагали, что вселенную сотворил не истинный Б-г. По их верованиям, физический мир — плод трудов не столь могущественного, причем злого божества. Самые известные течения, отстаивавшие подобные воззрения, — это гностицизм на Западе и манихейство на Востоке.

Как минимум, некоторые негативные оценки назореев, возможно, проистекали из желания отговорить евреев от подражания нееврейским обычаям.

Больше озадачивает позиция Маймонида: в одной и той же книге, кодексе законов «Мишне Тора», он соглашается с обеими оценками — положительной и отрицательной. В «Законах о чертах характера» он разделяет негативное отношение рабби Эльзара а-Капара к назорею: «Да не подумает человек: “Раз воздержание, честолюбие и тому подобное — дурная стезя и сживают человека со свету, то избавлюсь-ка я от них совершенно, отдалюсь к противоположному концу. И после этого перестанет он есть мясо и пить вино, не женится, поселится в негодном жилище, прекратит носить приличную одежду... Это тоже дурная стезя, и следовать ей запрещено»⁵.

Но в «Законах назорейства» он выносит суждение в соответствии с положительной оценкой рабби Эльзара: «Тот, кто дает обет (назорейства) Г-споду ради святости, — прекрасен и славен <...> И Писание приравнивает его к пророку»⁶.

Как автор — особенно такой неуклонный поборник логики, как Маймонид, — в одной и той же книге может занимать взаимоисключающие позиции?

³ Таанит, 11а; Недарим, 10а. — *Здесь и далее, кроме особо отмеченных, примеч. авт.* Так в английском переводе. Ср. с русским переводом: «Отсюда можно сделать вывод: если назорей назван грешником только за то, что мучил себя самого, [воздерживаясь] от вина, то сколь же грешен тот, кто мучит себя, [воздерживаясь] от всего [разрешенного]!» См.: Рабби Яков Ибн-Хабиб. Эйн Яков (Источник Якова). М.: Книжники; Лехаим, 2014. Т. 4. С. 286. — *Примеч. перев.*

⁴ Еврейское мистическое аскетическое движение. Возникло в Регенсбурге, распространилось в городах долины Рейна и во Франции. Период его расцвета пришелся на вторую половину XII — первую половину XIII века. — *Примеч. перев.*

⁵ Законы о чертах характера, 3:1. См. в русском издании: Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 272.

⁶ Законы о назорействе, 10:14. См. в русском издании: Там же. Книга «Посвящение». М.: Книжники; Лехаим, 2020. С. 398.

Разгадка лежит в одном из самых оригинальных прозрений Маймонида. Он полагает, что есть два совершенно разных способа вести нравственную жизнь. Эти способы он называет путем святого (хасида) и путем мудреца (хахама).

Мудрец придерживается «золотой середины» и идет по «срединному пути». Нравственная жизнь — вопрос умеренности и равновесия, умение проложить курс между «слишком много» и «слишком мало». Например, храбрость лежит посередине между трусостью и безрассудной удалей. Щедрость — нечто среднее между расточительностью и скупостью. Весьма похожие взгляды на нравственную жизнь изложил Аристотель в «Никомаховой этике».

Святые, однако, не идут срединным путем. Они склонны к крайностям: постятся вместо того, чтобы практиковать умеренность в питании, выбирают бедность вместо того, чтобы в меру стремиться к достатку, и т. п.

В нескольких местах своих трудов Маймонид поясняет, отчего люди могут ударяться в крайности. Первая причина: ими движет желание раскаяться и коренным образом изменить свой характер⁷. Например, человек может сам себя излечить от гордыни, некоторое время практикуя крайнее самоуничижение. Вторая причина обусловлена, так сказать, асимметрией природы человека. Некоторые крайности заманчивее, чем другие. Трусость встречается чаще, чем безрассудная удаля, а скупость — чаще, чем непомерная щедрость; именно поэтому хасид ударяется в противоположность. Третья причина — соблазны культуры окружающих народов. Если эта культура идет вразрез с ценностями религии, благочестивые люди, возможно, предпочитают полный разрыв с обществом, «одеваясь в грубую шерсть и мешковину, живя в горах, живя отшельниками в пустыне»⁸, выделяясь из общего ряда крайностями в своем поведении.

Подобный подход к этой теме богат тонкими нюансами. На взгляд Маймонида, иногда самоограничение целительно, иногда оно включено в закон Торы в целом, но есть случаи, когда оно представляет собой реакцию на чрезмерный гедонизм эпохи. Однако в общем и целом Маймонид заключает, что нам заповедано следовать по срединному пути, а путь святого — это «лифним ми-шурат а-дин», нечто большее, чем выполнение требований закона в строгом смысле⁹.

Моше Хальберталь в недавней научной работе о Маймониде¹⁰ утверждает, что тот дипломатично уклонился от противоречий между общественным идеалом древнегреческой политической традиции и духовным идеалом религиозного радикала (который, как Ребе из Коцка, уверен, что «середина дороги предназначена для лошадей»). Хасид может счесть «самодовольным буржуа» того, кого Маймонид считает мудрецом.

В сущности, мы имеем дело с разным пониманием нравственной жизни как таковой. В чем цель нравственной жизни — в том ли, чтобы ты лично достиг совершенства? Или в создании добропорядочного, справедливого и милосердного общества? Большинство людей, руководствуясь интуицией, ответит: «И в том и в другом». Но Маймонид — проницательный мыслитель. Он осознает, что обеих этих целей невозможно достичь одновременно — за двумя зайцами не угонишься. В реальности это две разные затеи.

Святой может раздать все свои деньги беднякам. Но что станет с членами его семьи? Святой может отказаться воевать, участвовать в бою. Но что станет с его страной? Святой

⁷ См. его «Восемь глав» (предисловие к комментарию на Мишну, Авот), гл. 4, и «Законы о чертах характера», гл. 1, 2, 5 и 6. «Законы о чертах характера» см. в: Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. См. также цитату из «Восьми глав» в: Там же. С. 272.

⁸ Слегка перефразированная цитата из «Восьми глав» Маймонида в переводе А. Фейгина.

⁹ «Законы о чертах характера», 1:5. См. в русском издании: Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 258.

¹⁰ Moshe Halbertal. Maimonides: Life and Thought. Princeton University Press, 2014. P. 154–163.

может простить все преступления, совершенные против него лично. Но что станет с верховенством закона и праведным судом? Святые — люди весьма добродетельные, если рассматривать их как индивидов. Но вы же не можете построить общество, которое состояло бы только из святых. А святые в итоге не очень-то интересуются обществом. Они пекутся о спасении своей души.

Это глубокое прозрение привело Маймонида к противоречивой, как кажется на первый взгляд, оценке назореев. Назорей — как минимум, на определенный срок — избрал образ жизни, предполагающий крайнее самоограничение. Он святой, хасид. Он идет по пути личного совершенствования. Это благородно, похвально и достойно подражания.

Но мудрец идет другим путем. А если вы стремитесь усовершенствовать общество, вам понадобятся мудрецы. Мудрецы не любят крайностей, так как сознают, что на кон поставлены интересы других. Нужно думать о членах своей семьи и других людях из общины. Нужно защищать страну и поддерживать экономику. Мудрецы знают, что не могут оставить все эти обязательства в прошлом и в одиночку двинуться по пути добродетели. Ибо мы призваны Б-гом жить в мире, а не бежать от мира; жить в обществе, а не отшельниками; стремиться к равновесию, когда требования мира тянут нас в разные стороны, не сосредотачиваться на отдельных аспектах, пренебрегая всеми остальными.

И хотя с индивидуальной точки зрения назорей — святой, с точки зрения общества он — по крайней мере, фигурально — «грешник», обязанный принести жертву искупления.

Маймонид жил по принципам, которые сам же и проповедовал. Из его трудов известно, что он мечтал жить в уединении. В какие-то периоды он денно и ночью работал над комментарием к Мишне, а позднее — над «Мишне Тора». Но в то же время он признавал свои обязанности перед семьей и общиной. В знаменитом письме к Ибн-Тибону¹¹, взявшемуся переводить его труды, Маймонид описывает свой типичный день и типичную неделю: он вынужден нести двойную нагрузку, будучи как знаменитым на весь мир врачом, так и алахистом и мудрецом, к которому обращаются за советом из разных стран. Он работал до изнеможения. Порой был настолько занят, что еле выкраивал время для изучения Торы.

Маймонид был мудрецом, а жаждал стать святым, но при этом знал, что не может им стать, коль скоро должен выполнять свой долг перед своим народом. Мне представляется, что это глубоко верное мировоззрение, сегодня оно по-прежнему актуально в еврейской жизни.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

¹¹ Послание рабби Шмуэлю Ибн-Тибону по вопросу перевода «Море невухим». См.: Рабби Моше бен Маймон. Послания и другие труды. М.: Лехаим; Книжники; 2011. С. 441–455.